

Черных Сергей Сергеевич

ЯЗЫК И РЕЧЬ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются язык и речь в качестве орудий власти, позволяющих концентрировать и передавать ресурсы господства от поколения к поколению. Особое место автор уделяет инструментальной трактовке власти с опорой на анализ дискурсивных практик, функционирующих в режиме борьбы за классификацию. Подчеркивается, что между человеком и языком обнаруживается взаимная детерминация, то есть личность обладает властью над языком, но и язык, в свою очередь, властвует над личностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 197-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Другие, оставаясь легкими и импровизационными, словно воплощают собою тщательную и изощренную работу ювелира, так что некоторыми произведениями можно наслаждаться фрагментарно, рассматривая изумительной красоты хвост русалки или камушки на морском дне.

В последние годы И. Максимова много занимается художественной фотографией. «Малый мир», «микромир», «мир отражений» – трудно подобрать определение для этих трепетных, хрупких, потаенных фрагментов бытия, проявленных (скорее, явленных) на фотобумаге. Осенний листик, отраженный в воде, в окружении пожухлых, усталых травинки. Наледь причудливой формы... Сказочно прекрасная изморозь. Таинственные иероглифы, написанные чернилами ржавчины на железной бочке... Такое видение мира доступно только зрелой, просветленной душе.

Рассматривая натюрморты тюменских художников, можно почувствовать искреннее желание передать потаенную жизнь, казалось бы, обычных предметов. В эпоху господства в искусстве «реди-мейд» (готовых объектов), способных к саморепрезентации, все-таки остается у художников желание самим творить мир вещей и согревать их теплом своего человеческого соучастия. Традиционно жанр натюрморта художники выбирали для художественных экспериментов с формой. Так поступали кубисты, русские «сезаннисты» и др. Такого рода пластические поиски не чужды и тюменским художникам, и всё же чаще всего их натюрморты имеют ярко выраженную философско-символическую окраску, где изображенные предметы трактуются как «вещи».

Список источников

1. **Александр Николаевич Павлов: живопись:** альбом-каталог / Русский музей; вступ. ст. Л. В. Шакирова; авт.-сост. Д. Павлова. СПб.: Palace Editinonc, 2006. Вып. 138. Альманах. 104 с.
2. **Ердяков А.** Живопись, графика, дизайн: каталог выставки / авт. вступ. статьи В. А. Субботина; Комитет по культуре Тюменской области; Тюменский областной музей изобразительных искусств. Тюмень, 2005. 26 с.
3. **Новое искусство Тюмени** / сост. Г. В. Вершинин, С. М. Перепелкин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1996. 200 с.
4. **Пространство другими словами: французские поэты XX века об образе в искусстве** / сост. Б. В. Дубина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 304 с.
5. **Хайдеггер М.** Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 316-326.
6. **Хайдеггер М.** Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 312-316.
7. **Черниева З. Л.** Стилиевые направления в изобразительном искусстве Тюмени конца XX – начала XXI века: статьи об искусстве. Тюмень: П.П.Ш. 2011. 160 с.

STILL LIFE: THE PROBLEM OF THE OBJECT AND THE THING

Chernieva Zinaida Leonidovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Tyumen State Institute of Culture
zchernieva@mail.ru

The article analyzes the genre of still life in the contemporary fine art from the position of the antinomy “object-thing”, considered in the philosophical writings by M. Heidegger. For the first time an attempt is made to find artistic analogies of the theory of “substance” in the contemporary fine art, to draw semantic parallels between a philosophical thought about the object and the thing and their figurative incarnations (by the example of painting and graphics of the artists of Tyumen region).

Key words and phrases: thing; object; still life; “substance” is approximation of world; philosophical-symbolic imagery.

УДК 141.319.8:321.01

Философские науки

В статье рассматриваются язык и речь в качестве орудий власти, позволяющих концентрировать и передавать ресурсы господства от поколения к поколению. Особое место автор уделяет инструментальной трактовке власти с опорой на анализ дискурсивных практик, функционирующих в режиме борьбы за классификацию. Подчеркивается, что между человеком и языком обнаруживается взаимная детерминация, то есть личность обладает властью над языком, но и язык, в свою очередь, властвует над личностью.

Ключевые слова и фразы: язык власти; дискурсивные практики власти; инструменты власти; господство и речь; борьба за классификацию; послушание.

Черных Сергей Сергеевич, к. филос. н., доцент
Южно-российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск
s.s.chernykh@mail.ru

ЯЗЫК И РЕЧЬ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВЛАСТИ

Возникновение и развитие языка принципиально выделяет вид *homo sapiens* на фоне всех живых существ, одновременно создавая предпосылки для символического применения власти. Ведь люди подчиняются далеко

не только грубой силе, но зачастую особенно чутко прислушиваются к «магическим» словам, при помощи которых на них транслируются сакральные, морально-нравственные и другие повеления, связанные с воздействием символов воображения. В данной связи уже Аристотель отмечал, что «один только человек из всех живых существ одарён речью» [1, с. 25]. Причём человеческая речь способна выражать и конструировать сложные понятийные конструкции, преодолевающие границы и далеко выходящие за пределы чувственности. «Голос выражает печаль и радость, – писал Аристотель, – поэтому он свойствен и остальным живым существам (поскольку их природные свойства развиты до такой степени, чтобы ощущать радость и печаль и передавать эти ощущения друг другу). Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п.» [Там же]. Вследствие этого язык выступает в качестве архетипичной культурной надстройки, то есть он опосредует и отчуждает человека от природы, в том числе и его собственной, а также превращается в орудие господства над животностью.

Более того, человек, в отличие от бессловесных тварей, может утаивать от себя отдельные грани своей природы, то есть вводить себя и окружающих в заблуждение, попутно порождая многочисленные культурные запреты. Но вместе с тем язык освобождает от пустоты животной жизни, отвлекая от скуки и обреченности существования. «Течение жизни животного, не прерываемое освободительной мыслью, сумрачно и депрессивно. Чтобы избавиться от сверлящей пустоты существования, необходимо сопротивление, хребтом которого является язык» [8, с. 299]. И не случайно в Библии говорится о том, как Бог разрешает Адаму давать имена животным, тем самым подчеркивая и его власть над ними. Поэтому язык, как основной инструмент власти человека над природным окружением, не только закрепощает его, но и способен выступать мощным источником освободительных преобразований, прекрасно выражая сострадание ко всему живому.

Конечно, язык может быть использован человеком как своего рода оружие, не случайно есть выражения, говорящие о том, что словами можно поранить, поразить противника, словно острыми стрелами, причем иногда ими можно даже в буквальном смысле убить человека, оскорбив его словом (*insult*). Наконец, при помощи слов возможно одержать вполне реальную победу в агональной битве (словесной баталии) или оправдаться на суде. Поэтому язык – это не только орудие (оружие) мысли, но в большей степени орудие власти, а также средство её распространения и глубинного культурального проникновения в личную жизнь человека. Значит, посредством языка и речи власть человека над собой и другими приобретает довольно изощренные и утонченные формы, которые зачастую формируются в тесной связи с дисциплинарными практиками общественного воспитания, где ключевую роль играет послушание. Следовательно, чтобы подчиняться и соответственно быть чутким к требованиям власти, личность человека необходимо не только научить понимать язык, но и подчиняться (слушаться) директивным речениям.

Итак, большинство человеческих орудий (инструментов) от лопаты и каменного топора до спутника и крылатой ракеты можно рассматривать в качестве орудий антропогенной власти над природой и другими людьми. Очевидно, что и сам язык также является орудием власти. Однако язык обладает преимуществом над другими инструментами в том смысле, что позволяет сохранять и накапливать любой опыт, в том числе опыт владения и господства, и в принципе «бесконечно» транслировать его через многие поколения. В данной связи З. М. Оруджев справедливо отмечает, что если «человек утерять орудие труда, то слово останется. На заре человечества было утеряно много орудий труда, пока не появилось Слово. При наличии последнего утеря орудия труда уже принципиально не меняет ситуацию» [5, с. 84]. Ведь теперь, с появлением языка, можно восстанавливать утраченные и создавать новые инструменты и вместе с накоплением производительных сил совершенствовать также дискурсы власти, которые зачастую неотделимы от открытий в сферах этического и эстетического порядка.

Очевидно, что само мышление человека коррелятивно языку, но при этом, когда индивид отчётливо слышит и понимает направленную на него команду (исходящую от внешней или внутренней властной инстанции), ему нужно подчиняться, а не думать. Поэтому существуют такие дискурсивные системы, основная цель которых – не обучать людей мыслить ясно, а прежде всего воспитывать в них послушание и покорность. «Язык служит не только для выражения мыслей, но и делает возможным мысли, которые без него не могли бы существовать. Иногда думают, что не может быть мысли без языка, но я не могу с этим согласиться: я считаю, – писал Б. Рассел, – что может быть мысль и даже истинное и ложное верование и без языка. Но, хотя это и может быть, все-таки нельзя отрицать, что все хорошо отработанные мысли требуют слов» [6, с. 71]. Как бы продолжая мысль британского философа, можно отметить, что *в особенности хорошо отработанные приказы и команды также требуют отточенных слов.*

Следовательно, изощренные формы подчинения, существующие в мире людей, в отличие от животного мира, можно обнаружить только по причине того, что *люди обладают языком*, притом что здесь проявляется взаимная детерминация, а значит, речь идёт о том, что *язык также владеет людьми*. Вместе с тем необходимо отличать мысли записанные от мыслей, высказанных в устной форме, а, следовательно, дифференцировать и типы дискурсивной власти, соответственно связанные с устной и письменной речью. Несомненно, что с появлением письменности одновременно по всей земле происходит качественный рост власти, которая расширяет свои границы, включая разнообразные народы и этнические культуры в орбиту своего (книжного) влияния, создавая целые империи на основе упорядоченных (священных) текстов.

Очевидно, что сознание как отдельного индивида, так и различных социальных сообществ формируется в процессе коммуникации между людьми, которая на протяжении тысячелетий способствовала развитию трудовой деятельности человека и дифференциации статусных позиций. Язык позволяет человеку преобразовывать

внутренний опыт личности в опыт внешний и общественный, а также переносить его итоги и достижения на других. Вместе с тем, анализируя первую главу «Феноменологии духа» Гегеля [3], А. Кожев обратил внимание на то, что прежде всего письменная речь может также способствовать закреплению в антропологической реальности заблуждений и ошибочных мнений. «Только *ошибки, совершенные человеком*, – отмечал А. Кожев, – *длятся безгранично и благодаря языку передаются вдаль*. Человека можно было бы определить как ошибку, удерживающуюся в существовании и длящуюся в реальности» [4, с. 31] (курсив автора статьи. – С. Ч.). Соответственно, и ошибочные мнения и убеждения в отношении справедливости того или иного господства также могут существовать неопределенно долго, например, пока не будет изменен сам дискурс власти.

Таким образом, получается, что истины, закреплённые в текстах, и, например, выступающие источником легитимации действующей власти, могут со временем, выражаясь словами Гегеля, *выдыхаться* («опять взглядом на записанную истину *теперь, в этот полдень*, мы должны будем сказать, что она выдохлась» [3, с. 64]). Конечно, Гегель писал, прежде всего, о чувственной достоверности, которая подвержена темпоральной изменчивости. Однако истины справедливости, традиционно приписываемые не чувствам, а именно разуму, также историчны и связаны с порядком и властью, которые трансформируются не сами собой, а в соответствии с изменениями, происходящими в лоне дискурса. Ведь и сама власть людей над вещами исторична, изменчива, особенно в смысле перманентной борьбы за собственность, истинную принадлежность и наследство.

Поэтому и борьба за власть предполагает изменение самого языка, претендующего на обновленное господство. Напротив, для охранителей прежнего порядка, то есть представителей консервативной власти, характерно обращение к «древним» текстам в качестве наиболее истинных и верных, где сама их архаичность конституирует и поддерживает присущую им сакральность. Например, перед тем как свершилась Великая французская революция, деятелями Просвещения был сформирован особый просветительский дискурс, претендовавший на десакрализацию власти короля, аристократии и католического духовенства. Затем уже марксистская философия прямо формировала дискурс революционной власти, внедряя собственную изначально идеальную классификацию, предвосхищавшую правила и цели ведения реальной войны между классами. Не случайно можно говорить о достаточно замкнутых языках власти, функционирующих в определенных культурных средах. Интересно, например, что носители консервативного дискурса власти тяготеют к метафизике, потустороннему бытию и понятию «вечности», а вот революционеры, понимаемые в качестве сторонников радикальных и быстрых преобразований, ориентированные на будущее и прогресс, склонны осуществлять свой выбор в пользу дискурсов диалектики и психоанализа. Значит, для того, чтобы закрепить права нового владельца (господина и собственника), необходимо производить изменения в самом языке (или создавать новый порядок дискурса) таким образом, чтобы, превращаясь в более эффективный инструмент (порой «скрытого») господства, он поддерживал и выражал интересы победителей. Даже не обязательно сознательное следование установкам определенного дискурса предполагает согласие индивида на подчинение структурам власти, имплицитно уже содержащимся в самой дискурсивной системе, и будет выражать его признание их господства над собой.

В данной связи справедливыми выглядят рассуждения П. Бурдьё о специфике символической власти, реализующейся посредством дискурсивных практик, в которых борьба за власть протекает как борьба, прежде всего, за классификацию. «Символическая власть, – отмечал П. Бурдьё, – есть власть творить вещи при помощи слов» [2, с. 204]. Значит, язык представляет собой инструмент классифицирования. Таким образом, уже именование (называние) вещи, выступающее в качестве первичного акта классификации, устанавливает определенный порядок (*ordo*) владения и обращения с ней. Ведь в наименовании, как правило, реализуется властное стремление ухватить сущность вещи, зафиксировав некий постоянный смысл вещи в языке, который может быть использован и употреблен на благо субъекта власти. В архаических и магических культурах речь шла напрямую о владении-знании божественных имен (определённых магических формул), то есть власти-знании, действующей магическим образом. Напротив, в обществах модерна, подвергшихся тотальной рационализации и расколдовыванию (раз-очаровыванию) мира, на передний план выходят онаученные и секуляризированные практики политического классифицирования.

Поэтому очевидно, что практическую деятельность, формирующую человеческое сознание, невозможно представить вне сознательного общения между людьми, посредником которого выступает речь. Таким образом, *речь представляет собой язык в действии*, проявляющаяся на уровне интеракции индивидуальных сознаний, она не только обогащает личность результатами общественного опыта, но и подвергает сам опыт рецензированию, тем самым подчиняя личность требованиям властных инстанций. «Речь вместе с тем своеобразно размывает для меня сознание другого человека, – отмечал С. Л. Рубинштейн, – делая его доступным для многогранных и тончайшим образом нюансированных воздействий» [7, с. 382]. Теперь становится возможным завладеть вниманием другого индивида не при помощи грубой силы или громких и пронзительных звуков, срывающихся на крик, а утонченными речами, способными обуздать аффекты, порождать удовольствие или нагнетать страх. При помощи слов можно манипулировать объектом власти, вводить его в заблуждение, вселять несбыточные надежды и неосуществимые мечты, навязывая видение порядка вещей, в той или иной степени выгодное для господствующей инстанции. Очевидно, что речь – инструмент, посредством которого можно активно проникать в сознание человека, формируя его в соответствии с основными установками, характерными для того или иного дискурса. Вместе с тем первичным требованием, содержащимся в речи, обращенной к объекту речевого воздействия, будет выступать требование слышать, внимать направленной речи. Таким образом, в этом первичном требовании уже содержится призыв к послушанию, которое является условием подчинения власти. Соответственно, и дисциплина находит в языке надёжного союзника в плане воспитания послушного индивида, способного воспринимать власть в целом позитивно, даже в случае репрессивного воздействия.

В целом именно язык конституирует антропогенное поле власти и его идеологическое ядро, образуя его символическую субстанцию. *Собственно язык и открывает перед человеком возможность мыслить в терминах субстанции, закрепляя и удостоверяя посредством имён собственных статус постоянства за определенным порядком владения.* Это существенно расширяет возможности власти в человеческом мире, которая в принципе может осуществляться, преодолевая даже изменения и ограничения во времени и пространстве. Соответственно, и ресурсы власти при посредстве языка могут сохраняться и даже накапливаться. Так, например, действует именно власть государства, которая мыслится как единая субстанция (обозначаемая, как правило, одним именем). В языке власть одного и того же государства может отождествляться (идентифицироваться) с властью, непрерывно действующей на протяжении тысячелетий, особенно если имеются древние (зачастую священные) тексты, свидетельствующие в пользу прав её наследников.

Список источников

1. **Аристотель.** Политика. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. 393 с.
2. **Бурдые П.** Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Феноменология духа. Философия истории. М.: Эксмо, 2007. 880 с.
4. **Кожев А.** Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1998. 208 с.
5. **Оруджев З. М.** Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М.: Едиториал УРСС, 2004. 400 с.
6. **Рассел Б.** Человеческое познание, его сфера и границы. К.: Ника-Центр, 2001. 560 с.
7. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2017. 713 с.
8. **Хоркхаймер М., Адорно Т.** Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. – СПб.: Медиум; Ювента, 1997. 312 с.

LANGUAGE AND SPEECH AS INSTRUMENTS OF POWER

Chernykh Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk
s.s.chernykh@mail.ru

The article deals with a language and speech as instruments of power, allowing concentrating and transferring resources of domination from generation to generation. The author focuses on the instrumental interpretation of power based on the analysis of discursive practices that function in the mode of struggle for classification. It is emphasized that mutual determination is found between a person and a language, that is, the personality has power over the language, but the language in its turn dominates the personality.

Key words and phrases: language of power; discursive practices of power; instruments of power; domination and speech; struggle for classification; obedience.

УДК 349.23/24

Юридические науки

В статье проводится анализ правового регулирования нормирования труда, его становления и развития в России и некоторых европейских странах в XVII-XIX вв. Рассматриваются факторы, которые служили регуляторами норм продолжительности рабочего дня на различных производствах, историко-правовые источники, нормирующие труд. Делаются выводы о децентрализованном характере нормирования труда, времени возникновения и особенностях его установления.

Ключевые слова и фразы: нормирование труда; рабочее время; трудовая функция; право на труд; продолжительность рабочего дня.

Чуприн Дмитрий Александрович

Волгоградский государственный университет
dima-ch1996@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАРОЖДЕНИЯ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА

Основываясь на определении нормы труда для рабочего посредством установления определенного количества рабочих часов в день (общей продолжительности рабочего дня), а также выполнения определенного количества работ (нормы выработки) либо выполнения конкретной работы (трудовой функции), можно отметить, что в XVII в. в странах Европы в ремесленных корпорациях – цехах – существовала система ученичества у ремесленников. За обучение ремеслу ученик должен был жить у мастера определенное число лет, во всем слушаясь его, и выполнять работу по мастерству [3, с. 432]. Исходя из этого положения видно, что своеобразной нормой труда для ученика являлось выполнение «работы по мастерству», что фактически и являлось содержанием его трудовой функции. Общим правилом всего цехового уклада предписывалось: ученик не имеет права брать работу без согласия мастера [Там же, с. 451]. Таким образом, мастер являлся лицом, которое определяло норму труда ученика, содержание его трудовой функции.